

Автор
А 13

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ СССР

Всесоюзный ордена "Знак Почета" научно-исследовательский
институт советского законодательства

На правах рукописи

АБАСОВ Александр Ибрагимович

ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

(Специальность 12.00.09. -уголовный
процесс;судоустройство; прокурорский
надзор ; криминалистика)

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

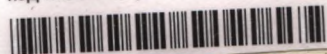
Москва

1986

ХДР

код экземпляра

30254

Работа выполнена во Всесоюзном научно-исследовательском институте советского законодательства Министерства юстиции СССР.

Научный руководитель : доктор юридических наук, профессор
Алексеев В.Б.

Официальные оппоненты : доктор юридических наук, профессор
Михайловская И.Б.
кандидат юридических наук
Яни С.А.

Ведущая организация: Всесоюзный институт усовершенствования
работников юстиции Министерства
юстиции СССР.

Защита диссертации состоится "9" декабря 1986г.
в "11" часов на заседании специализированного Совета Д.146.02.03
при Всесоюзном ордена "Знак Почета" научно-исследовательском
институте советского законодательства (125438, Москва, ул. Михай-
ловская, д.65 , корпус I).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ВНИИСЗ.

5153

Актуальность темы. Выработанная XXVI съездом КПСС концепция ускорения социально-экономического развития страны определила ряд важных задач и в области правосудия: укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, неуклонное соблюдение социалистической законности и правопорядка, улучшение работы органов правосудия, прокурорского надзора, юстиции и внутренних дел.¹

5153

Укрепление социалистической законности и правопорядка неотделимы от дальнейшего развития социалистической демократии, политической системы советского общества и претворения в жизнь принципа социальной справедливости. Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVI съезду отметил: "Демократия была и остается важнейшим рычагом упрочения социалистической законности... Углубление прав и свобод, упрочение их гарантий партия и государство рассматривают как свой первейший долг".²

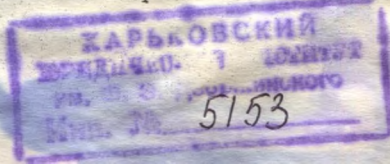
Положения Конституции СССР в части необходимости обеспечения надежных правовых гарантий охраны прав граждан, чести и достоинства личности полностью относимы к области уголовного судопроизводства, к отдельным участникам уголовно-процессуальной деятельности и, в частности, к обвиняемому.

Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту (ст. 158) конкретизирован в ст. 13 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик,³ в соответствии с которой суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание

¹ Материалы XXVI съезда Коммунистической партии Советского Союза М.: Политиздат, 1986, с. 160.

² Материалы XXVI съезда Коммунистической партии Советского Союза с. 61.

³ В дальнейшем сокращенно — Основ.

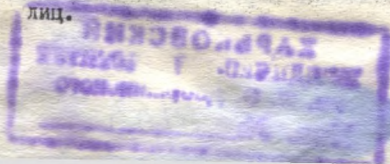
обязаны обеспечить обвиняемому возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленного обвинения и обеспечить охрану его личных и имущественных прав.

Процесс неуклонного развития и расширения субъективных прав граждан в социалистическом обществе обуславливает необходимость постоянного научного поиска, постановки и решения новых, практически значимых проблем, нового подхода и осмысления уже имеющихся средств и способов упрочения уголовно-процессуальных гарантий личности, процессуального статуса обвиняемого, значения и оценки его показаний.

Требованиями совершенствования судебно-следственной практики вызвана необходимость в дальнейшем исследовании показаний обвиняемого в советском уголовном процессе, процессуальное значение которых многозначно: они и средство доказывания, и источник доказательств, и один из основных и доступных для обвиняемого средств защиты.

В плане доказательственной значимости показания обвиняемого — важное личностное доказательство. Содержащиеся в них фактические данные всегда имеют информационное и доказательственное значение как свидетельство возможного исполнителя или участника преступления, или непричастного к совершению преступления лица.

Показания обвиняемого являются источником доказательств, имеющие существенное значение для раскрытия преступления и изобличения виновных, в том числе установления объема его собственной вины, мотивов и целей преступного посягательства, для полной или частичной реабилитации обвиняемого по предъявленному обвинению; они могут быть свидетельством в отношении других лиц.

Изучение практики оценки показаний обвиняемых по конкретным уголовным делам показало, что органы следствия и суды нередко игнорируют их в общей массе доказательств; доводы обвиняемых нередко проверяются поверхностно и предвзято в силу того, что они исходят от лица, заинтересованного в исходе дела; с другой стороны, еще бытует переоценка признания обвиняемого как наиболее достоверного доказательства, следствием которого являются оговор и самооговор.

В ряде случаев не устанавливаются причины изменений обвиняемым своих показаний. Для полного устранения этих негативных явлений в процессе необходим комплексный анализ вопросов, связанных с показаниями обвиняемого и их оценки, учета опыта зарубежных социалистических стран по этой проблеме, выработка новых практических рекомендаций.

Вопросы укрепления правового статуса обвиняемого, повышение роли и значения его показаний были и остаются актуальными для науки и практики уголовного процесса. Этим обусловлена обширность научной литературы по названной проблеме. Она исследовалась в монографиях и статьях известных советских ученых — юристов: Л.Б.Алексеевой, А.Д.Бойкова, Л.М.Карнеевой, Л.Д.Кокорева, Э.Ф.Куцовой, А.М.Ларина, П.А.Лупинской, И.А.Либуса, И.Б.Михайловской, Я.О.Мотовиловкера, П.Ф.Пашкевича, И.Д.Перлова, И.Л.Петрухина, Н.И.Порубова, А.Р.Рафинова, Р.Д.Рахунова, В.М.Савицкого, М.С.Строговича, Г.П.Саркисянца, С.А.Яни и других процессуалистов.

Однако исследование института показаний обвиняемого, как научно-практической проблемы, далеко не завершено. Многие вопросы этой темы требуют более глубокого и всестороннего исследования, с учетом изменений, внесенных в уголовно-процессуальное законодательство в последние годы и совершенствованием

практики правоприменения. Этим вызывается необходимость в научном осмыслении и выработке дополнительных рекомендаций по оценке показаний обвиняемого как в целом, так и в отдельных стадиях процесса: оценки таких феноменов, как признание и отрицание обвиняемым своей вины, показаний в отношении других лиц, оговоров и самооговоров, предупреждения их опасных последствий в виде разработки новых процессуальных гарантий.

Изложенные положения определили выбор темы данной диссертации, ее цели и задачи.

Методологическую основу диссертации определило марксистско-ленинское учение о государстве и праве, положения новой редакции Программы КПСС, материалы партийных съездов и Пленумов ЦК КПСС, другие партийные документы, в которых содержатся основополагающие положения об осуществлении социалистического правосудия. Опираясь на метод диалектического материализма, как на метод научного познания, в ходе диссертационного исследования, диссертант применял логический, исторический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический и статистические методы.

В диссертации широко использованы общесоюзное и союзно-республиканское законодательство, в частности, в сравнительно-правовом плане, уголовно-процессуальное законодательство РСФСР и Узбекской ССР, а также отдельные положения законодательства зарубежных социалистических стран. При исследовании темы диссертант опирался на материалы судебной практики Верховного Суда СССР и Верховных судов союзных республик, судов Сырдарьинской и других областей Узбекской ССР, а также на материалы Президиума Сырдарьинской областной коллегии адвокатов. Сбор эмпирического материала произведен путем изучения по специальной програм-

ме 300 дел, рассмотренных судами Сырдарьинской области в 1980-1985 годах.

При подготовке исследования автором использован личный опыт работы в качестве следователя, затем адвоката.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном освещении проблемы показаний обвиняемого в советском уголовном процессе, которая исследуется с конституционно-правовых позиций неприкосновенности личности, презумпции невиновности и обеспечения обвиняемому права на защиту, необходимости строгой регламентации и расширения его прав и обязанностей.

В настоящей диссертации предпринята попытка анализа проблемы показаний обвиняемого в советском уголовном процессе не только с точки зрения доказательственного права и криминалистики, но и в плане правовых гарантий личности в процессе.

Увязывая доказательственную по своему содержанию проблему показаний с правовым статусом обвиняемого, автор старался подчеркнуть органичность темы, но не ее однородность. Нельзя рассматривать показания лица в отрыве от его процессуального положения; юридическая природа показаний может быть определена и изучена только через источник этих показаний.

Важны и те выводы, которые обосновывает автор, исследуя институт показаний обвиняемого. В диссертации подчеркивается необходимость понимания работниками правоохранительных органов информационной и доказательственной ценности показаний обвиняемого: необходимости их объективной, всесторонней и полной проверки с учетом заинтересованности обвиняемого в исходе дела, с одной стороны, и исходя из презумпции добропорядочности граждан, с другой. Сформулированы по-новому определения: института законного интереса и показаний обвиняемого; понятий полного и частичного признания обвиняемым своей вины, оговора и самооговора

ра; по-новому освещен механизм правового регулирования действий должностных лиц и обвиняемых; внесены предложения о совершенствовании ряда норм УПК РСФСР и УПК других союзных республик, регулирующих порядок получения и оценки показаний обвиняемого, основания заявляемых обвиняемым ходатайств при окончании предварительного расследования. Выводы диссертации основаны на комплексных эмпирических данных и направлены на устранение еще встречающихся судебных ошибок в части оценок показаний обвиняемых.

В диссертации исследуются недостаточно изученные социально-психологические факторы формирования показаний обвиняемого, некоторые вопросы правового статуса обвиняемого, возникающие в связи с его показаниями, вопросы классификации показаний, проанализированные с позиций системного подхода. Включив в предмет исследования эти и другие вопросы, автор учитывал замечания В.И. Ленина о том, что "имеются детали, от установления которых зависят вся суть дела".⁴

Практическая значимость диссертации состоит, прежде всего, в формировании рекомендаций, которые могут быть использованы в процессе дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики. Отдельные предложения работы могут найти применение в деятельности коллегий адвокатов, следственных и судебных органов, а также при обобщении судебной практики органами юстиции. Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе по курсу советского уголовного процесса и спецкурсу по адвокатуре.

Апробация результатов исследования. Основные идеи и положения диссертации опубликованы в статьях, обсуждены в отделе судеустройства и организации учреждений юстиции, ВНИИ Советского

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 43, с. 344

законодательства, апробированы в сообщениях на теоритических конференциях аспирантов в ВНИИСЗ и Института философии и права АН Узбекской ССР (1963-1984г.г.).

Материалы исследования использовались автором при чтении лекций по курсу "Основ советского права" раздела "Советский уголовный процесс" в Сырдарьинском государственном педагогическом институте им. Г.Гуляма, а также на семинарских занятиях в Сырдарьинской областной коллегии адвокатов.

Структура и содержание работы. Диссертация состоит из введения, трех глав и библиографии.

Во введении обосновывается выбор темы, актуальность и цель исследования, освещается практическое и научное значение положений, выносимых на защиту.

Первая глава диссертации посвящена рассмотрению сущности процессуального статуса обвиняемого. Автор рассматривает дискуссионные вопросы привлечения лица в качестве обвиняемого; методы и способы реализации обвиняемым своих прав и обязанностей; роль и место обвиняемого как участника уголовно-процессуальных правоотношений.

В институте обвинения автор видит два основных правовых аспекта. В уголовно-процессуальном смысле обвинение характеризуется соответствующими процессуальными отношениями с лицом, привлекаемым в качестве обвиняемого; взгляд на обвиняемого с позиций материального права дает возможность рассмотреть вопрос о его показаниях с учетом конструкции состава преступления.

Диссертант исходит из того, что в советском уголовном процессе обвиняемый - субъект комплекса процессуальных прав и обязанностей, фактическая реализация которых - важное усло-

вие правильного разрешения уголовных дел. Поэтому обеспечение права обвиняемого на защиту рассматривается в диссертации с точки зрения реализации всех его процессуальных прав, возникающих с момента появления обвиняемого в процессе. Процессуальные обязанности обвиняемого, по мнению автора, регламентируются законодателем как мера должного поведения гражданина, соотносящегося с требованиями норм права. Автор обращает внимание на то, что из-за отсутствия общей нормы, охватывающей права и обязанности обвиняемого, они анализируются зачастую отдельно, рассматриваются в отрыве друг от друга. Это вряд ли можно признать верным.

Законодатель наделил обвиняемого исключительными по содержанию и гарантированности правами и обязанностями, которых нет ни у какого другого уголовного судопроизводства.

Если для должностных лиц, доказывающих виновность привлекаемого в качестве обвиняемого лица, права не более чем средства реализации их публично-правовых обязанностей, то права обвиняемого, наоборот, сочетаются с минимумом обязанностей, которые он несет в процессе доказывания. Осуществление защиты является правом (но не обязанностью) обвиняемого и правосудие, по своей внутренней природе, независимо от воли обвиняемого, заинтересовано в реализации им своих прав. Активное участие обвиняемого в процессе доказывания и заинтересованность его в защите усиливает состязательный характер процесса, создает дополнительные гарантии предупреждения судебных ошибок, и в конечном счете, идет на пользу справедливому разрешению дела.

По мнению автора, закон еще недостаточно полно урегулировал охрану прав личности обвиняемого. В диссертации анализируются нормы, предписывающие следователю и суду принимать меры к неразглашению обстоятельств личной жизни лица при производстве обыска и вземке (ст. ст. 170 УПК РСФСР, 153 УПК УзССР); при

освидетельствовании не допускать действий, унижающих достоинство личности или опасных для здоровья освидетельствуемого лица (ст. 181 УПК РСФСР, ст. 164 УПК УзССР); не домогаться показаний обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер (ст. ч. 3 14 Основ, 20 УПК РСФСР). Диссертант считает, что приведенные нормы еще недостаточны для обеспечения охраны личности в уголовном процессе: их необходимо соблюдать не только во время производства отдельных, перечисленных в законе следственных действий, но и распространить на протяжении всего уголовного судопроизводства. Соответствующие нормы и принципы следует ввести в общую часть УПК и исправительно-трудовых кодексов.

Обвиняемый имеет право обжаловать приговор суда в кассационном порядке и ходатайствовать о принесении протеста в порядке надзора (ст. 325, 371 УПК РСФСР, ст. ст. 302, 347 УПК УзССР); за ним сохраняется право обжалования любых по его мнению незаконных нарушений прав и гарантий, а также мер пресечения: задержания, ареста и др. (ст. ст. 21, 32-35, 37-39, 42, 44-49 Основ). Признанное право на заявление ходатайств и подачу жалоб основано на конституционной идее о праве граждан на судебную защиту, судебное обжалование незаконных действий должностных лиц (ч. 2 ст 57, ст. 58 Конституции СССР).

Диссертант считает, что обвиняемый имеет право на обжалование и объективно правильного и справедливого приговора, что является предусмотренной законом процессуальной гарантией, поскольку жалоба подается в пределах установленной процедуры. Не соглашаясь с точкой зрения о признании законными интересов обвиняемого лишь в случаях их совпадения с интересами правосудия, — органическом сочетании общественных

и личных интересов в процессуальном законодательстве и при его применении ⁵, автор считает вполне законным стремление осужденного добиться смягчения своей меры наказания, преследуя при этом двойной интерес, который, как и законный интерес обвиняемого, является правовой категорией и должен рассматриваться как правовой интерес невиновного, — (не считающего себя виновным после приговора суда) гражданина, как гарантированная ему законом возможность совершать в ходе расследования или судебного разбирательства действия, признаваемые процессуальными (давать показания, заявлять ходатайства, подавать жалобы и т.п.), возражать против необоснованного применения или попыток применения к нему мер процессуального принуждения, а также настаивать на исключении из обвинения сомнительных и недоказанных обстоятельств, включая изменение обвинения и полное прекращение производства по делу.

Исследование вопроса о соотношении прав и законных интересов обвиняемого с задачами правосудия приводит диссертанта к выводу о наличии между ними определенных коллизий. Интересы обвиняемого и правосудия в уголовном процессе в ряде случаев не совпадают и тогда они вступают в противоречие между собой.

У обвиняемого имеется право обжаловать как обвинительный, так и оправдательный приговор и это также свидетельство возможности несовпадения точек зрения на совершившийся акт правосудия между судом и обвиняемым. Коллизионная ситуация, по мнению автора, не устраняется даже после постановления от имени государства законного и обоснованного приговора, с которым не

⁵ См. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М. 1956, с.181; Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М. 1973, с. 14.

согласен осужденный и может быть разрешена в надзорной стадии процесса. Всякий интерес обвиняемого (подсудимого, осужденного) можно назвать законным лишь тогда, когда он не противоречит закону и безусловно вытекает из субъективных прав личности в уголовном судопроизводстве.

Комплексное рассмотрение вопросов реализации прав и обязанностей обвиняемого показывает, что уголовное судопроизводство, предписывая определенные правила поведения всех участников процесса, прежде всего, рассчитано на их добровольное применение, в том числе и обвиняемым. Невыполнение обвиняемым своих процессуальных обязанностей влечет за собой установленные законом санкции — применение мер процессуального принуждения. В специфических условиях уголовного судопроизводства конституционная обязанность граждан уважать права и законные интересы других лиц относится, по мнению диссертанта, и к обвиняемому (ст. 65 Конституции СССР).

Реализация обязанностей обвиняемого протекает через соблюдение им требований пассивного поведения: не скрываться от следствия и суда; не совершать новых преступлений (в том числе и в целях защиты по расследуемому или рассматриваемому в суде в отношении него делу); не принуждать свидетелей и иных лиц к даче ложных показаний или заключений (ст. 183 УК РСФСР); не препятствовать установлению истины; не менять места жительства (ст. 89 УПК); осуществлять свое право на защиту средствами и способами, установленным законом (ст. 19 УПК), соблюдать порядок судебного заседания, подчиняться распоряжениям председательствующего (ст. 263 УПК) и т.д.

К обязанностям обвиняемого иногда относят требование отвечать по делу, находясь в так называемом "порицаемом положении

обвиняемого" и нести, в связи с этим, всю тяжесть публичного изобличения и осуждения.⁶ Диссертант обращает внимание на спорность такого утверждения. Во-первых, термин "порицаемое положение обвиняемого" сам по себе сомнителен, так как ни общество, ни государство ни в коей мере не порицают само процессуальное положение обвиняемого — лица, в отношении которого действует конституционный принцип презумпции невинности. Этот принцип не позволяет механически переносить принудительный характер уголовной ответственности на всю систему процессуальных средств ее установления. Во всех рассматриваемых случаях речь идет только о необходимом и основанном на законе процессуальном принуждении, но не об уголовной ответственности, которая наступает лишь после вступления приговора в законную силу и ничего общего с мерами процессуального принуждения не имеет.

Рассмотрение вопроса о правах и обязанностях обвиняемого позволило более рельефно осветить и другую важную тему — механизм уголовно-процессуального регулирования. По мнению Л.Б.Алексеевой, уголовно-процессуальная деятельность любого участника процесса, в том числе и обвиняемого — область разрешительного регулирования и законодатель в нормах права сформулировал все образцы поведения, которым можно или нужно следовать.⁷ Проведенный в диссертации анализ процессуального статуса обвиняемого показывает, что это утверждение не совсем верно. Правило "запрещено все, что не разрешено", относится только к деятельности органов дознания, следователя, прокурора и суда. Применительно к процессуальному статусу обвиняемого,

⁶ Фаткуллин Ф.Н., Зинатуллин З.З., Аврах Я.С. Обвинение и защита по уголовным делам. Казань, 1976, с. 10.

⁷ Алексеева Л.Б. Механизм уголовно-процессуального регулирования. — В кн.: Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979, с. 14.

по мнению диссертанта, вступает в силу противоположное правило: "разрешено все, что не запрещено".

Вторая глава посвящена рассмотрению правовой природы показаний обвиняемого как средства его защиты и гарантии социально-правовых и личных интересов.

Диссертант отмечает, что проблема показаний обвиняемого продолжает оставаться актуальной и злободневной уже в силу того, что в судебной и следственной практике до сих пор нередки случаи переоценки признания обвиняемым своей вины, а ее отрицание воспринимается как попытка обвиняемого уклониться от ответственности и наказания.

Показания обвиняемого рассматриваются как любые объяснения и заявления, сделанные обвиняемым письменно или устно в ходе следственных или судебных действий относительно расследуемого или рассматриваемого дела, об обстоятельствах, составляющих сущность предъявленного обвинения, и иных обстоятельствах, имеющих значение, полученные и зафиксированные в протоколе в порядке, установленном процессуальным законом (ст. ст. 69, 77, 150-152 УПК РСФСР, ст. 50, 57, 117, 127, 129, 141, 142¹ УПК УзССР). К числу показаний обвиняемого автор относит и однородное с ними по своей правовой природе последнее слово подсудимого (ст. 297 УПК).

При этом диссертант предостерегает, что право обвиняемого дать показания, не следует смешивать с правом заявления ходатайств, являющимся самостоятельным процессуальным действием, содержащим требование к должностным лицам и органам.

В показаниях содержатся сведения о фактах, либо анализ известных обвиняемому обстоятельств, юридической квалификации и т.д. и содержащиеся в них возможные ходатайства не могут

иметь правовых последствий, ибо они должны заявляться обвиняемым отдельно.

Диссертант отмечает, что орган дознания, следователь, прокурор и суд не должны совершать действий, не предусмотренных уголовно-процессуальным законом, независимо от их кажущейся целесообразности и приемлемости. Процессуальная форма, является одним из важнейших факторов отправления правосудия, средством, обеспечивающим четкое функционирование всего механизма уголовно-процессуальных отношений, реализацию прав и обязанностей, эффективность предусмотренных законом действий участников уголовного судопроизводства, подчеркивает обязанность соблюдения органами правосудия всех установленных законом процессуальных норм. Так, получение информации из источников, не указанных в ст. 69 УПК РСФСР, означает нарушение процессуального закона, как относительно процессуальной формы, так и способа получения сведений. Только в рамках процессуальной формы обвиняемый осуществляет предоставленные ему законом права, а следователь, прокурор и суд несут корреспондирующие с этими правами обязанности по предоставлению обвиняемому реальной возможности защищаться всеми предусмотренными законом средствами и способами и участвовать в доказывании.

Анализ требований ч. I ст. 150 УПК РСФСР (ч. I ст. 127 УПК УзССР) о немедленном производстве допроса обвиняемого показывает, что эта предписывающая норма закона не обязывает обвиняемого немедленно дать показания, требуя от следователя быть готовым к производству допроса сразу же после предъявления обвинения. Обвиняемый вправе и воздержаться от дачи показаний, а следователь не может этому воспрепятствовать. В связи с этим диссертант считает необходимым изложить указанную норму более четко: ... "Следователь сразу после предъявления обвинения обя-

зан предложить обвиняемому дать показания по существу обвинения"... Часть вторую (ст. 150 УПК РСФСР, ст. 127 УПК УзССР) предлагается изложить в следующей редакции:..."Если обвиняемый уклонился от следствия, следователь не позднее 24 часов по его явке или приводу обязан предложить обвиняемому дать свои показания".

Отказ обвиняемого от дачи показаний и объяснений – также средство его защиты. Указанное обстоятельство не исключает, а наоборот, обязывает лицо, производящее дознание, следователя, прокурора, суд принять меры к получению его показаний, используя для этого возможности процессуального закона (представление показаний в письменном, а не устном виде, написанных обвиняемым собственноручно, применение звукозаписи его показаний).

Применительно к оценке показаний обвиняемого в работе рассматривается вопрос о записи этих показаний собственноручно, или фиксации их лицом, ведущим допрос. Диссертант критикует практику, когда собственноручная запись обвиняемым своих показаний используется как средство уличения его в виновности, особенно при отказе от ранее данных показаний, либо изменения их содержания.

В главе рассмотрен и вопрос о социально-психологических факторах формирования показаний обвиняемого.

Реализация гуманных целей и задач правосудия может, по мнению диссертанта, оказаться пустой абстракцией, если при оценке характера общественной опасности содеянного и виновности лица, его совершившего, не будут учитываться индивидуально-психологические особенности личности обвиняемого.

Особенно важна оценка духовной стороны личности обвиняемого, как носителя индивидуально-психологических особенностей,

которая дает ключ к пониманию вопроса, почему это лицо совершило преступление.

Рассматривая различные стороны психологических характеристик обвиняемого, социально-психологические факторы формирования его показаний диссертант показывает при этом значение таких факторов, как: мотивы и цели, обуславливающие показания обвиняемого, значение его социально-личностных устоев.

На формирование показаний обвиняемого в разной мере влияют контактирующие с ним в это время участники судопроизводства, а также родственники и знакомые, мнения которых для обвиняемого порой важны. Обвиняемый не остается непоколебимым в оценке своих показаний и по целому ряду причин может пересмотреть свое отношение к обвинению, изменить содержание и характер своих показаний. Очевидно, и адвокат не должен оставаться безразличным к формированию показаний своего подзащитного, особенно в ситуациях, когда обвиняемый теряется в средствах защиты, анализе имеющегося материала. Это является одним из оснований того, что автор присоединяется к высказанному в литературе и печати предложению о допуске защитника к участию в деле с момента появления в нем обвиняемого, т.е. с момента предъявления обвинения и уж во всех случаях - с момента ареста, что, по существу, будет содействовать усилению правовой охраны, защиты прав и законных интересов обвиняемого, укреплению состязательного начала процесса, установлению превентивного контроля адвокатуры за законностью.

Что же касается следователя, то наряду с признанием необходимости установления психологических контактов с обвиняемым с целью формирования и получения его показаний, в работе критикуется концепция "конфликтного следствия", возможность применения

различных "ловушек", "хитростей", гипноза, наркотических веществ и полиграфа в советском уголовном процессе, как принципиально непригодных средств для получения показаний.

Третья глава диссертации схватывает ряд теоритических и практических вопросов, связанных с разновидностями показаний обвиняемого.

Исследуя вопросы признания обвиняемым своей вины автор исходит из того, что признание может быть полным и частичным, а также ложным. В такой плоскости вопросы признания вины изучены еще недостаточно.

Полное признание вины, по мнению диссертанта, имеет место в случаях, когда обвиняемый на предварительном следствии или в судебном разбирательстве добровольно дает такие показания, которыми фактически подтверждает обвинение, соглашается с юридической квалификацией вменяемых ему в вину действий и самооценка предъявляемого обвинения не содержит каких-либо существенных оговорок. Признание обвиняемого может иметь место только относительно совершенного деяния, а не обвинения. Согласие обвиняемого с юридической оценкой его деяния не мешает следователю, прокурору и суду изменить эту оценку, поэтому такое согласие является второстепенным, дополнительным признаком признания и определяющего значения для судьбы дела не имеет.

Частичным является такое признание обвиняемого, которое расходится в изложении содеянного с содержанием предъявленного обвинения, оспаривает часть обвинения на общем фоне признания виновным характера своих действий. Автор подчеркивает, что частичное признание в содеянном также может способствовать отысканию объективной истины. Не соглашаясь с предъявленным обвинением (в последовательности изложении событий, роли и степени

участия в них обвиняемого, в оценке событий, определении объема ущерба и т.д.) обвиняемый может придти к оценке своих действий только как частично виновных, оспаривая оценку и данные следствия.

В диссертации отмечается, что показания обвиняемого, в которых он признает свою вину, сами по себе не могут быть положены в основу обвинительного приговора, они должны найти свое объективное подтверждение и в целом ряде других доказательств. При всей доказательственной значимости и притягательности признания обвиняемым своей вины, оно в определенной мере всегда должно настораживать следователя и побуждать к активной, всесторонней проверке, сопоставлению с другими доказательствами, анализу составных частей и т.д.

Требование о необходимости проверки показаний обвиняемого, в которых он признает свою вину, и предостережения от переоценки их доказательственного значения содержится и в законодательстве зарубежных социалистических государств: в уголовно-процессуальных кодексах НРБ (ст. 91), ВНР (§ 87), ГДР (§ 23), ЧССР (§ 91), ПНР (ст. ст. 3, 269-276).

В работе отмечается, что немаловажное значение для дела имеет установление на основе показаний обвиняемого мотива совершенного преступления, а равно проверка правильности признания обвиняемого в содеянном. Показания обвиняемого относительно мотивов и цели преступления, после соответствующей проверки и оценки, дают возможность понять механизм воздействия факторов внешней среды на его волю и сознание, раскрывают субъективно-психологические причины совершенного преступления, помогают правильному решению вопросов вины, квалификации и наказания.

Диссертант считает, что самообвинение и отрицание своей

вины должны пониматься не как лучший или худший из возможных вариантов поведения, а как два совершенно одинаковых, равных в процессе средства закрепления и обеспечения гарантий реализации права на защиту.

В диссертации анализируется возникший на практике вопрос о правомерности приглашения некоторыми следователями на допросы признающих свою вину обвиняемых посторонних лиц в качестве понятых (с целью последующего подтверждения факта признания, обстановки допроса и т.д.). По мнению диссертанта, такие меры подрывают авторитет следствия и создают показную видимость законности и правомерности допросов, хотя при соблюдении элементарных процессуальных норм этого следственного действия результаты никак опорочены быть не могут. Кроме того, подобные третьи лица, так называемые "свидетели признания" есть порождение обвинительного уклона переоценки доказательственного значения признания обвиняемого. В связи с этим диссертант предлагает дополнить процессуальное законодательство отдельной нормой относительно запрета обвинительного уклона при оценке доказательств. На основании метода сравнительного анализа в диссертации также обосновывается целесообразность дополнения содержания ст. 77 УПК РСФСР положениями, ч. 3 ст. 57 УПК УзССР о том, что "Данные, устанавливаемые показаниями обвиняемого, как и другие доказательства, подлежат проверке и оценке в связи со всеми обстоятельствами дела, как в случае признания, так и в случае отрицания обвиняемым своей виновности". Вместе с тем, диссертант указывает как на недостаток редакции ст. 77 УПК, отсутствие в ее диспозиции ссылки на возможность обоснования судебного решения наряду с другими доказательствами и показаниями обвиняемого.

Содержание показаний обвиняемого, отрицающего свою вину,

также различно. В обвинении им оспаривается, как правило, наличие умысла и правильность квалификации, отягчающие обстоятельства, формулировка отдельных эпизодов и выводы. Информационная ценность отрицания обвиняемым своей вины как оправдывающего доказательства несколько не ниже признания обвиняемым вины.

В диссертации отмечается, что при оценке показаний обвиняемого следует учитывать его личную заинтересованность в исходе дела, однако придавать этому обстоятельству решающее значение никак нельзя. К показаниям обвиняемого нужно подходить и оценивать их с позиций нравственно-правовой презумпции чести, добропорядочности граждан, исходить из положительных задатков социально-полезных качеств личности, человека, находящегося в положении обвиняемого. Все выдвинутые обвиняемым в свое оправдание или смягчение вины отрицательные и положительные факты, так называемое "алиби", подлежат глубокой и всесторонней проверке. Способы такой проверки разнообразны: это и анализ доказательств, и детальный допрос, и проверка путем эксперимента, экспертиз. Возложение на обвиняемого обязанности доказывания верности своей позиции в случаях отрицания им своей вины и обоснования этого отрицания не основано на законе.

Возложение на обвиняемого "доказывания" невинности нередко основано на ложном принципе: если обвиняемый не выдвигает положительного довода в свое оправдание, значит алиби его ложное. Между тем отрицание обвиняемым своей вины иногда связано с наличием у него определенных сомнений в доказанности обвинения. Все это должно удерживать следователей и суд от поспешных и скороспелых выводов, побуждать искать дополнительную, недостающую информацию. Правила о толковании сомнений, которые не представляются возможным устранить, в пользу обвиняемого (*in dubio pro reo*) - это одновременно

запрет на произвольное обвинение и на обвинение при недоказанности вины.

В диссертации также исследуется проблема использования обвиняемым так называемого "права умолчания". Автор не относит молчание к свидетельству виновности, а предлагает рассматривать его только как непризнание вины.

В настоящей главе анализируется комплекс вопросов, относящихся к таким разновидностям показаний обвиняемого, как самооговор, показания в отношении других лиц и оговор, которые по мнению автора, находятся между собой в смысловом единстве.

Самооговор автором определяется как ложные признания обвиняемого о совершенном им преступлении, в действительности не имевшего места или совершенного другими лицами. В судебной и следственной практике распространены так называемые "признавательные" показания, среди которых встречаются и ложные. В каждом случае ложного признания вины, вне зависимости от причины такого признания, над фактически невиновным человеком нависает угроза необоснованного привлечение в качестве обвиняемого, опасность вынесения ошибочного приговора, а действительный преступник может остаться не избалованным. Опасность самооговора не столько в даче обвиняемым уличающих себя показаний, сколько в готовности нести незаслуженное для себя наказание, наказание без вины, наносящее моральный и материальный вред обществу. В связи с этим, для правоприменения особенно актуальна проблема своевременной диагностики и разоблачения самооговора, особенно в случаях, когда обвиняемый так или иначе принуждается к самооговору отдельными должностными лицами.

Содержание самооговора характеризуют две особенности: несоответствие показаний действительности и обвинительная направленность.

В диссертации отмечается, что для профилактики и распознавания случаев самооговоров по каждому делу, во-первых, необходимо твердо соблюдать требования процессуального закона о запрещении домогаться показаний обвиняемого со стороны лиц, ведущих расследование по делу, не применять при этом сомнительных тактических приемов допроса, последовательно и неуклонно соблюдать этические нормы. Важна критическая направленность и в оценке судом материалов предварительного следствия, выявление и фиксация условий, при которых были получены показания обвиняемого. Здесь необходима тщательная разработка процессуального регламента проверки, прежде всего возможных заявлений обвиняемого в суде о причинах самооговора на следствии: обязательность занесения их в протокол судебного заседания; возможность вызова в суд должностных лиц, проводивших расследование, работников следственных изоляторов и т.д., получение и оценка их объяснений. Во-вторых, автор ставит вопрос о необходимости установления и оценки, как на предварительном следствии, так и в судебных стадиях процесса, — в том числе в контрольно-проверочных инстанциях, — мотивов, побудивших обвиняемого ложно признать свою вину.

В случаях прекращения уголовного дела или провозглашения оправдательного приговора следует иметь в виду Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года "О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей", согласно которому гражданин, за случаи самооговора, обоснованно лишается права на возмещение причиненного ему ущерба.

Показания обвиняемого в отношении других лиц и оговор, как правовое понятие, однородны этимологически: в обоих случаях речь идет лишь о какой-то части показаний в отношении других лиц, действиям которых она дает оценку. Ввиду того, что наряду с возможностью дачи правдивых и объективно достоверных показаний, обвиняемый может дать и неверные; рассмотрение этой разновидности его показаний представляет значительный интерес для науки и практики уголовного процесса.

Обвиняемый вправе дать показания в отношении любого лица, в том числе и не привлеченного в качестве обвиняемого. Показывая о других лицах, он показывает и о себе, об известных ему совершенных или несовершенных действиях и обстоятельствах преступления. Описывая как свои, так и действия других лиц, обвиняемый имеет возможность оправдать их или уличить в соучастии в преступлении, однако это всегда свидетельствует и о степени причастности самого обвиняемого к делу.

При описании действий других лиц обвиняемый может добросовестно заблуждаться из-за недостаточного объема информации о мотивах и целях их действий, своего психологического и физического состояния и т.д.

Правом, а не обязанностью обвиняемого следует считать дачу им показаний в отношении лиц, проходящих с ним по одному уголовному делу и обвинению. Это же правило распространяется на случаи, когда осужденный допрашивается по уголовному делу, выделенному в отдельное производство из дела по его обвинению или позже возбужденному по материалам того уголовного дела, по которому он осужден. Когда же речь идет о необходимости дачи показаний по другому делу или по обвинению, не связанного с его обвинением, даже по одному уголовному делу, обвиняемый допрашивается в качестве свидетеля с предупреждением об уголовной ответ-

ственности по ст. ст. 181, 182 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Правдивые показания в отношении других лиц, будь они изобличающими или оправдывающими имеют неоспоримую ценность, ибо своим содержанием способствуют установлению объективной истины.

Как и любые другие, показания обвиняемого в отношении других лиц должны стать предметом тщательной всесторонней, полной и объективной проверки, для своевременной и правильной оценки их правдивости.

Однако они могут оказаться и заведомо ложными, оправдывающими действительно виновного а, заодно, оговаривающие себя или третьих лиц в совершении или соучастии в совершении преступления.

Подробному анализу подвергается правовая природа и доказательственное значение оговора. Оговор – это всегда умышленное, заведомо ложное показание обвиняемого в отношении любого другого лица, в том числе и сообвиняемого, в соучастии или самостоятельном совершении преступления.

Термином "оговор" может обозначаться лишь умышленное, ложное, клеветническое обвинение в чем-либо. В диссертации отстаивается мнение о целесообразности сохранения правового термина "оговор", как верно характеризующего самостоятельный вид показаний, тем более, что оговорить другое лицо может не только обвиняемый, но и другие участники процесса, за что они несут уголовную ответственность.

Принимая во внимание, что в ст. 39 УК РСФСР признаются отягчающими отдельные обстоятельства уже прошлого события и только в п. II называется обстоятельство, которое только может

появиться в показаниях обвиняемого, в диссертации предлагается ввести в протоколы допросов лиц в качестве обвиняемых специальную графу, обязывающую следователя разъяснить обвиняемому положения п. II ст. 39 УК РСФСР как обстоятельства, отягчающие его ответственность за оговор заведомо невиновного лица.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Совершенствование процессуальной формы - необходимое условие реализации прав и законных интересов обвиняемого. - В сб.: Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ, № 31, 1985, с. 178-183.

2. О законных интересах обвиняемого в советском уголовном процессе. - В сб.: Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ, № 32-33, М., 1986, с. 178-183.

А.АБАСОВ

30.08.1986г.

Подписано к печати 4.10.86 г. Объем I, 75 п.л. Тираж 100 экз.
Заказ № 1584

Офсетная лаборатория Госкомцен УзССР, Ташкент, Аллея Парадов, 5